

Эхо гумилёвских фестивалей

ясь, мы всё-таки уснули. Я проснулась часа в четыре утра. Ольга сидела на кровати, обхватив её края руками, безвольно свесив ноги, молчала. Потом, глядя мимо меня куда-то в пустоту, уверенно произнесла:

— Саша утонул.

Решительный тон, с которым Ольга произнесла "Саша утонул", заставил меня спросить её, не приходил ли кто-нибудь, пока я спала. Она отрицательно помотала головой, и неожиданно произнесла:

— Никого не было, но я видела сон.

Не знаю, помнит ли его Ольга. Мне же рассказала, что она решила вымыть пол в нашей самой большой комнате и вымыла — здесь я хорошо помню, как Ольга шагами вымерила кусок пола, который вымыла, — это была ровно четверть комнаты. Рассказала и о том, что во сне я её упрекнула — кто же так моет и когда будет вымыта вся комната, на что она ответила: остальное — потом.

Стало жутко.

Прошёл час-другой, уже рассвело, и — о радость! — раздался стук в окно...».

Выяслав Шугаев:

«К шести утра, к первому пароходу в порт Байкал, мы вернулись с Распутиным в Листвянку. Мы еле передвигали ноги, заранее мучаясь тем, что нам предстояло сказать Ольге. Перед домом посидели на камнях. День начинался ясный, солнце в прозрачном байкальском воздухе поднималось по-особому чистое и тёплое.

Ставни ещё были закрыты. Мы постучали. Выглянула жена Пакулова, Тамара.

— А мужиков наших нет, где-то загуляли.

Ольга вышла на крыльцо, посмотрела на нас:

— Что? Всё?

Мы бросились к ней...».

Тамара Бусаргина:

«Не помню, на чьей случайной лодке мы ехали в Листвянку. Ольга сидела как каменное изваяние, смотрела широко раскрытыми глазами в одну точку, и только возле Шаман-камня она прижалась к Валентину Распутину и закричала, истощенно и страшно, на весь Байкал...».

Часто приводят фразу, в которой он предугадал свою судьбу: «Я смеюсь над старостью, потому что я старым не буду». Мне же более провидческой и страшной кажутся другие слова из его блокнота: «Могильная, чёрная темнота воды».

* * *

После гибели Александра Вампилова Валентин Распутин, пожалуй, первым точно определил значение творчества своего друга:

«Вместе с Вампиловым в театр пришли искренность и доброта. Нельзя сказать, что их не было до него — были, конечно, но не в той, очевидно, убедительности; до предела раскрылась чистая душа Сарафанова в "Старшем сыне" и стоном застонала, уверяя: "все люди — братья".

Вышла на сцену Валентина ("Прошлым летом в Чулимске"), и невольно отступило перед ней всё низкое и грязное — вышла сама страдающая добродетель. Слабые, незащищённые и не умеющие защищаться перед прозой жизни люди, но посмотрите, какая стойкая, какая полная внутренняя убеждённость у них в главных и святых законах человеческого существования. И в слезах, и в отчаянии не перестанут они верить, как фанатики, в лучшую человеческую сущность, не замечая, как слепые, сущности худшей...».

И ещё:

«Театр помолодел с его приходом — и не только благодаря возрасту молодого драматурга, но и от свежего и чистого чувства, принесённого им на сцену. И теперь наш театр должен будет вернуться к нему как к одному из самых надёжных и верных друзей, без которых никакой успех никогда не будет чистым.

Талант Вампилова, непритязательный и обаятельный, естественный и добрый, есть собрание, подобно пчелиному труду, разлитой в мире душевности и красоты. Возле Вампилова теплее, добрее, этим теплом до сих пор греются те, кто знал его, оно исходит от его книг, и оно же дышит со сцены вампиловского театра, начинающего новую и прочную жизнь без старения».

Окончание. Начало на стр.1

А вот вторая история, связанная с именем Николая Степановича, далека от своего завершения. На сей раз речь о другом традиционном гумилёвском фестивале, который много лет проходил в Бежецке, на родине предков поэта по материнской линии (известного дворянского рода Львовых).

Проблема здесь назревала давно. Инициатором фестиваля в Бежецком районе Тверской области был бард и депутат соседнего Сонковского района Александр

семье. Но, увы, мои предложения не были услышаны. Г.Я. Козловская и ставшая её соратницей по руководству фестивалем писательница-москвичка О.Л. Медведко пошли по другому пути. «Поднимаю статус» мероприятия, как это, к сожалению, сейчас довольно часто делается, они однажды пригласили переводчика из Германии и тут же объявили фестиваль международным. Участие в следующем году двух малоизвестных деятелей культуры из Франции дало основание заявить в прессе, что «международный фестиваль расширяет свои границы». Всё это было

ладно. Но она стала призывать всех в округе к игнорированию мероприятия. А её соратница О.Л. Медведко начала обзванивать традиционных участников гумилёвского праздника и агитировать их не ехать на фестиваль. Звонила и мне, но я прямо сказал, что интригами не занимаюсь. Потом посыпались письма в разные инстанции, появились статьи, критикующие администрацию района за то, что она якобы уничтожила «народный музей Гумилёва!».

Одновременно Медведко заявила, что забирает свой «народный музей» так как не согласна с таким оборотом дел. Ладно бы, «свои» экспонаты забрали эти дамы, так они ещё и прихватили печатную машинку, которую соратница Льва Николаевича Гумилёва передала в ДК «Сельмаш» для выставки. К слову, «народным музеем» эта экспозиция никогда не была, такое звание упомянутые дамы сами ей присвоили, позиционируя экспонаты «частью ценного архива семьи Лукницких». Но, всё что представляло музейную ценность, было продано Верой Лукницкой Пушкинскому дому задолго до описываемых событий. Так что на этой выставке практически не было никаких экспонатов, принадлежавших семье поэта. Но напористость Медведко дошла до администрации тверского губернатора и советника президента России Владимира Толстого, что заставило главу региона принять предварительное решение о пре-

Дом-музей А. Ахматовой и Н. Гумилева

Антонов. Более десяти лет назад он обратился в администрацию Бежецкого района со своей инициативой. Администрация поддержала начинание и пригласила для её осуществления Галину Козловскую, ставшую директором ДК молодёжи «Сельмаш», на базе которого на бюджетные деньги и стала реализовываться задуманная программа. Поскольку базовое учреждение было молодёжным, решили проводить молодёжные гумилёвские чтения. Определили их маршрут — из села Слепнёво в Градницы. В первом был усадебный дом Львовых, где не однажды бывал в летние месяцы Николай, а потом и Лев Гумилёв. Иногда туда приезжала Анна Ахматова. Николай Степанович написал в Слепнёво не одно стихотворение, в том числе в 1913 году знаменитое «Старые усадьбы». А Анна Ахматова также озвучила здесь своё не менее знаменитое пророчество в стихотворении «Июль 1914»:

Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил...

Итак, Галина Козловская начала проводить с помощью администрации молодёжные слёты, по сути — туристические походы памяти Гумилёва и Ахматовой с ночёвкой на месте, где прежде была усадьба Львовых, с пением песен у костра, чтением стихов и дальнейшим переходом в Градницы и участием в концерте.

Бывая на этих мероприятиях, я не раз предлагал расширить их рамки: приглашать ведущих исследователей творчества поэта, проводить круглые столы, организовывать мастер-классы ведущих писателей для молодых талантов области. Конечно, для этого надо было собирать, обсуждать и рецензировать рукописи, анализировать проделанное, аккумулировать новые материалы о знаменитой

бы забавно, если бы не было печально.

Я не раз беседовал по поводу гумилёвского праздника с главой Бежецкого муниципального района А.В. Горбанёвым, который с пониманием отнёсся к этому важному не только для района, но для области и России мероприятию. И в нынешнем, юбилейном для города году (Бежецку исполнилось 880 лет) организационный комитет возглавил сам глава.

Фестиваль был назван традиционным, без лживой помпезности «всероссийского» и «международного», в его рамках наконец-то был проведён круглый стол, в котором приняли участие известные исследователи творчества Николая Степановича и Льва Николаевича Гумилёвых. ярко прошли выступления поэтов — лауреатов областной премии Николая Гумилёва. В то же время сохранилась и молодёжная составляющая праздника: школьники жили в палаточном лагере и активно участвовали в общем празднике, в выступлениях, побывали на экскурсии в доме-музее поэтов в Градницах. Произошло и ещё одно долгожданное событие — 29 июля прошла первая служба в строящейся церкви Святителя Николая и Анны Кашинской, посвящённой памяти поэтов. Подводя итоги фестиваля, многие отметили, что, наконец-то он приобрёл черты настоящего литературного события и для самих земляков Гумилёвых, и для их гостей — поэтов, литературоведов, школьников.

Однако не всем это понравилось. Г.Я. Козловская, которую на сей раз не назначили председателем оргкомитета фестиваля, демонстративно уволилась, заявив, что не согласна с культурной политикой районных властей. Ну, уволилась бы, и

доставлении отдельного помещения для упомянутых экспонатов в Бежецке.

Оставив личные амбиции дам за скобками, можно сказать, что проблема на самом деле состоит совершенно в другом. В Бежецке есть дом, где действительно жили Гумилёвы после 1917 года и где воспитывался будущий учёный с мировым именем Лев Гумилёв. В этом доме сейчас живёт несколько семей, и, решив вопрос с их жилплощадью, действительно, можно было бы открыть филиал дома-музея поэтов, где разместить экспонаты посвящённые Льву Николаевичу и его знаменитым предкам по линии Львовых, среди которых были вице-адмиралы флота, герои суворовских сражений и битвы при Аустерлице. И с этим согласен глава района. Вот только что победит — амбиции или здравый смысл и решение вопроса в пользу семьи великого поэта? Это зависит теперь от губернатора Тверской области, которому от нашего имени обращаются многие известные жители Бежецка, краеведы, литературоведы и писатели.

Владимир Полушин,
председатель секции по литературному
наследию Н.С. Гумилёва
Союза писателей РФ,
лауреат Всероссийской премии Николая
Гумилёва